

И. Ф.
АННЕНСКИЙ

Избранное

Иннокентий Фёдорович Анненский

О романтических цветах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2826435

Аннотация

«В последнее время не принято допытываться о соответствии стихотворного сборника с его названием. В самом деле, почему одну сестру назвали Ольгой, а другую Ариадной? Романтические цветы – это имя мне нравится, хотя я и не знаю, что, собственно, оно значит. Но несколько тусклое как символ, оно красиво как звучность, – и с меня довольно...»

Содержание

Иннокентий Федорович Анненский О романтических цветах

В последнее время не принято допытываться о соответствии стихотворного сборника с его названием.

В самом деле, почему одну сестру назвали Ольгой, а другую Ариадной? Романтические цветы – это имя мне нравится, хотя я и не знаю, что, собственно, оно значит. Но несколько тусклое как символ, оно красиво как звучность, – и с меня довольно.

Темно-зеленая, чуть тронутая позолотой книжка, скорей даже тетрадка Н. Гумилева прочитывается быстро. Вы выпиваете ее, как глоток зеленого шартреза.

Зеленая книжка оставила во мне сразу же впечатление чего-топряного, сладкого, пожалуй, даже экзотического, но вместе с тем и такого, что жаль было бы долго и пристально смаковать и разглядывать на свет: дал скользнуть по желобку языка – и как-то невольно тянешься повторить этот сладкий зеленый глоток.

Лучшим комментарием к книжке служит слово «Париж» на ее этикетке. Русская книжка, написанная в Париже, навеянная Парижем...

Юный маг в пурпуровом хитоне Говорил нездешние сло-

ва, Перед ней, царицей беззаконий, Расточал рубины волшебства.

А когда на изумрудах Нила Месяц закачался и поблек, Бледная царица уронила Для него алеющий цветок.

В этих словах не один искусный подбор звукоцветностей, в них есть и своеобразная красота, только она боится солнечных лучей. Ее надо рассматривать при свете и даже при запахе от уличного «bee Auer»¹. Днем черты экзотической царицы кажутся у спящей точно смятыми, да и у мага по лицу бродят синеватые тени. Но вчера в safe-concert² они оба были положительно красивы, размалеванные.

Никакого тут нет ни древнего востока, ни тысячелетнего тумана: бульвар, bee Auer, кусок еще влажного от дождя асфальта перед кафе – вот и вся декорация «ассирийского романа».

Не ушли стихи Н. Гумилева и от дьявола, конечно. Только у Н. Гумилева это, к счастью, не карамазовский дьявол, а совсем другой.

Но что же из всего этого? Мы слишком серьезны. Нам нужно во что бы то ни стало, чтобы дьявол вышел и в стихах именно такой, каким он снился аскетам после голода и самобичеваний. Но Париж ведь не со вчерашнего дня знает и другого дьявола, этот дьявол – создание городской фантазии, мечта Мансарды и Буль-Миша; это он был *se bohème*

---

¹ газового рожка (фр.)

² кафешантан (фр.)

гісепант³. М. Роллина и не о нем ли плакала еще недавно и верленовская шарманка? Что же? Разве этот дьявол не может быть красив? Вам смешна великая любовь дьявола, и что он дьявол, и что он плавал (здесь – за магнитом Ф. Сологуба, кажется) – напрасно. В бульварном дьяволе, может быть, есть абрис будущего...

Почему «мореплаватель Павзаний» и «император Каракалла» должны быть непременно историческими картинами? Для меня довольно, если в красивых ритмах, в нарядных словах, в культурно-прихотливой чуткости восприятий они будут лишь парижски, пусть даже только бульварно-декоративны.

И над морем седым и пустынным, Приподнявшись лениво на локте, Посыпает толченым рубином Розоватые длинные ногти.

Это положительно красиво... а Красивое, право, не так-то уж далеко и от Прекрасного. *Pulchrum non unum sed multa*⁴. Н. Гумилев умеет смотреть, если захочет, и говорить о том, что видит, если видение красиво.

Кто был бледный и красивый рыцарь,
Что проехал на черном коне,
И какая сказочная птица
Кружилась над ним в вышине?

---

³ ухмыляющаяся богема (*фр.*)

⁴ Прекрасное не едино, но множественно (*лат.*)

И какой печальный взгляд он бросил
На мое цветное окно,
И зачем мне сделался несносен
Мир родной и знакомый давно?
И зачем мой старший брат в испуге,
При дрожащем мерцанье свечи,
Вынимал из погребов кольчуги
И натачивал копья и мечи?
И зачем сегодня в капелле
Все сходились, читали псалмы
И монахи угрюмые пели
Заклинанья против мрака и тьмы?.. и т. д.

Тема ясна и хорошо развивается: это придушенное семейное несчастье – истеричка-дочь, «влюбленная в дьявола». Каданс выдержан: в нем чувствуются большие, но стертые ступени спиральной башенной лестницы, идут к теме и глухие диссонансы в чередовании с рифмами.

Хорошо и «Озеро Чад», история какой-то африканки, увеселяющей Марсель. Тут целый ряд тропических эффектов, и все, конечно, бутафорские: и змеи-лианы, и разъяренные звери, и «изысканный жираф», жираф-то особенно, – но все чары африканки пропитаны трагедией. Н. Гумилев не прочь был бы сохранить за песнями об этой даме – их, т. е. песен, у него три – всю силу экзотической иронии, но голос на этот раз немножко изменил Анахарсису XX века, ему просто жаль дикарки, ему хочется плакать.

Робкий ум мой обессилен бедами, Взор мой с каждым часом угасает... Умереть? Но там, в полях неведомых, Там мой муж, он ждет и не прощает.

Зеленая книжка отразила не только искание красоты, но и красоту исканий. Это много. И я рад, что романтические цветы – деланные, потому что поэзия живых... умерла давно. И возродится ли?

Сам Н. Гумилев чутко следит за ритмами своих впечатлений, и лиризм умеет подчинять замыслу, а кроме того, и что особенно важно, он любит культуру и не боится буржуазного привкуса красоты.